

ЖАНРОВЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ В.В. МАЯКОВСКОГО «ЛИЛИЧКА!»

Послание — один из древнейших поэтических жанров, представляющий собой «стихотворное письмо, в котором поэт, обращаясь к конкретному адресату с просьбами, пожеланиями, увещеваниями, высказывает свои суждения по какому-либо морально-философскому вопросу» [3].

К показателям, характеризующим послание как жанр, можно отнести: 1) наличие в названии или в самом тексте слова «письмо» или его синонимов; 2) дистантную коммуникацию, при которой адресат заведомо не может непосредственно воспринять обращенную к нему речь; 3) указание на письменную форму речи; 4) указание на более или менее конкретного адресата или обращение к нему; 5) наличие апелляции к адресату или к другим силам в связи с адресатом; 6) наличие образа адресанта; 7) указания на прямой и/или обратный адрес; 8) указание на повод для написания послания.

К жанрообразующим признакам послания относится субъектная организация, которую в данном жанре отличает характерная позиция субъекта высказывания и адресата.

Исходя из теоретических трудов Б. Кормана, разработавшего концепцию субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений в тексте [1, с. 99–109], проведем жанровый анализ стихотворения В. Маяковского «Лиличка!»

В данном тексте жанровая характеристика обозначена самим автором — «вместо письма», т. е. речь идет о письменном послании.

Мы же ставим перед собой задачу проследить в стихотворении функцию субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений как жанрообразующих.

Стихотворение представляет собой коммуникацию, построенную по принципу совмещения событийного ряда и лирического монолога. Исповедь автора сплетается с целенаправленным обращением к адресату. Адресат, заявленный в названии (Лиличка), совпадает с реальным лицом. В связи с указанием имени актуализируется биографический контекст, т.к. становится явным, что стихотворение посвящается Лилии Брик, возлюбленной Маяковского.

В экспозиции закреплена ситуация, в которой предположительно находится автор:

Дым табачный воздух выел./ Комната —
глава в кручениховском аде./ Вспомни —
за этим окном

впервые/ руки твои, исступленный, гладил [2, с. 206].

Далее — обращение к адресату, представленное в призыве — «Вспомни». После этого указывается, что именно нужно вспомнить. Таким образом выстраивается антитеза между настоящим и прошлым. Следует обратить внимание на формальное построение стиха.

Три строчки настоящего:
Дым табачный воздух выел/
Комната — /
глава в крученыховском аде [2, с. 206].

Три строчки прошлого:

за этим окном
впервые/ руки твои, исступленный, гладил [2, с. 206].

И между ними находится императив «Вспомни», который связывает обоих коммуникантов. С одной стороны это автор, который обращается к адресату, с другой — сам адресат, оказывающийся замыкающим звеном коммуникативной цепи.

Учитывая, что в первом фрагменте используется глагол прошедшего времени, справедливо было бы говорить о том, что речь идет о прошлом, а не настоящем. Но благодаря императивному обращению «Вспомни», мы можем заключить, что прошлое начнется только в момент, когда адресат последует призыву автора.

В завязке автор снова переносится в настоящее время. Он очерчивает адресата, как бы находящегося перед ним:

Сегодня сидишь вот, / сердце в железе [2, с. 206].

Далее следует предположение:

День еще — /выгонишь,/ может быть, изругав [2, с. 206].

Здесь прослеживается импликация — раз «сердце в железе», то непременно «выгонишь», благодаря которой мы забываем о том, что у автора есть еще, как минимум, «день» до этого события. Складывается впечатление, что перелом уже наступил. Именно в этот момент зарождается конфликт — автор и адресат входят в оппозицию: между ними кризис чувства («железо»), пространственный разрыв («выгонишь») и внешняя ссора («изругав»). Персонажи разделяются, и возникший в экспозиции образ сплетенных в ласках рук влюбленных переходит в образ одинокой руки, сломанной дрожью, как и сам автор, дрожащий, подобно ей — «дикий», обезумевший, «иссеченный» отчаянием.

Но следующий фрагмент ставит нас перед тем, что описанное событие еще не состоялось, автора пока никто не выгонял, и диким он не становился, следовательно, указанное выше предположение автора не что иное, как элемент диалога, выражающий мотивировку последующего обращения к адресату.

Кульминация наступает, когда автор принимает для себя решение:

Не надо этого,/ дорогая,/ хорошая,/ дай простимся сейчас [2, с. 206].

Здесь наблюдаются обращения-эпитеты, выражающие трепетное и нежное отношение автора к адресату. Они создают положительную эмоциональную окраску, хотя и в контексте негативной ситуации контрастирующую с негативным состоянием самого автора, который предвидит:

обезумлюсь,/ отчаянием иссечась [2, с. 206].

Эти обращения также сглаживают впечатление необратимости расставания. И действительно — далее следует заключение автора о том, что его любовь «висит» на любимой тяжкой гирей, «куда ни бежала б». Но в то же время это свидетельство того, что чувство автора тяготит её, становится

грузом, что она не нуждается в нём. И минутные светлые ощущения сменяются хриплым, режущим «последним криком».

Автор взывает к адресату:

Дай в последнем крике вырветь/ горечь обиженных жалоб [2, с.207].

Троекратно повторяющийся звук «р» позволяет практически физически ощутить не вырвавшийся еще крик, застывший, клокочущий где-то внутри.

Однако вырваться наружу ему и не суждено. Вместо этого переживания автора приобретают внутреннюю, рефлексивную направленность. Наблюдается спад действия. Автор как бы абстрагируется от адресата, т.к. далее не следует никаких призывов и обращений, хотя и используются прилагательные «твой», «твоей», категория адресата сменяется на «несобственное» лицо, которое заведомо лишено возможности воспринимать направленную ему информацию.

Следует череда параллелей: бык — автор, вода — любовь, слон — автор, солнце — любовь, взгляд — лезвие, а также антитеза между «другим» поэтом, который продал бы любимую, и автором, для которого высшая ценность в одном только имени.

Автор осознает, что не властен над собой:

И в пролет не брошусь,/ и не выпью яда,/ и курок не смогу над виском нажать [2, с. 207].

Здесь вступает в силу еще одна антитеза — наравне с полной зависимостью автора от любимой, её автономность, оторванность от него.

Завтра забудешь, /что тебя короновал,/ что душу цветущую любовью выжег... [2, с. 207].

Впечатление подкрепляют фразы «суетных дней взметенный карнавал» и «сухие листья», создающие образ необратимости едва ли не на метафизическом уровне, не зависящем от человека, воплощающемся в неумолимом ходе времени.

И, наконец, развязка. В ней автор снова обращается к адресату, лейтмотивным для данного стихотворения глаголом «дай»:

Дай хоть/ последней нежностью выстелить/ твой уходящий шаг [2, с. 207].

Здесь отсутствует экспрессия, наблюдавшаяся в предыдущей фразе, бессильная злость сменяется смирением.

Таким образом, в стихотворении прослеживается динамика развития чувств и даже событий, что обозначено коммуникативным типом «письма», выраженного в форме императивных обращений.

В стихотворении «Лиличка!» автор эксплицитный, отождествленный с биографическим. Адресат заявлен в названии стихотворения, что помогает определить биографический контекст. Наличие лирического адресата является фактором самоидентификации лирического субъекта, помогает ему раскрыться, превращая его из статичного образа в действующее лицо. Наблюдается высокая диалогичность, заключающаяся в постоянной апелляции к адресату в виде призывов и побуждений. В структуре стихотворения значим и эпический элемент, придающий посланию повествовательность. Целостность текста данного произведения, которое является авторской моделью любовного послания, функционально обеспечена характером субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений как жанрообразующих.

Литература

1. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б. О. Корман // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. — Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2006. — С. 99–109.
2. Маяковский В. В. Собрание сочинений / В. В. Маяковский / — СПб.: Азбука-классика, 2010. — 366 с.
3. <http://litterms.ru/p/215>